
К СЕМАНТИКЕ ЛЕКСЕМЫ ПОКРОВ

И.Е. Юсов

Кафедра русского языка медицинского факультета
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу развития семантики славянской лексемы **покрѡвъ** и ее греческих соответствий, а также того культурно-исторического фона, на котором оно происходило.

В преподавании языка особое место принадлежит лингвокультурологическому аспекту. Изучение жизни слова, понимание выражаемого им смысла невозможно без понимания того культурно-исторического фона, на котором оно развивается, с которым связано самым непосредственным образом. В противном случае мы рискуем допустить более или менее серьезную ошибку при интерпретации конкретного семантического явления, особенно если речь идет о понятии, являющемся для данной культуры базисным.

Большой Академический словарь рассматривает *покров* — ‘верхний слой, покрывающий что-либо’ и *Покров* — ‘церковный праздник’ как омонимы [6. С. 911—912]. С формальной точки зрения, это, конечно, правильно; однако если мы попытаемся внимательно и осторожно распутать сложный клубок скрытых здесь смыслов, то вряд ли увидим непреодолимую пропасть между двумя очень схожими фактами языка.

Для начала отметим, что в истории Покрова — одного из самых любимых и почитаемых на Руси праздников — до сих пор много неясного. Несмотря на то, что празднуемое событие (видение блж. Андрея Юродивого) имеет греческое происхождение, в Византии оно не получило широкого распространения и, более того, не было внесено в число календарных торжеств. Греческий протограф Покрова (если таковой существовал) неизвестен науке. В южнославянских землях праздник возник под русским влиянием. Хотя древнерусские следы покровского культа мы встречаем уже в иконографии и прологах XII—XIII веков (при этом традиционно признаваемое авторство князя Андрея Боголюбского как учредителя праздника серьезно оспаривается [4. С. 52]), древнейший список богослужебного чина относится к середине XIV в. Возникает вопрос, почему он возник лишь на русской почве? Возможно, как предполагает И.А. Шалина, знаменитый эпизод жития блж. Андрея Юродивого (ставшее привычным для посетителей Влахернского храма еженедельное «пятничное чудо» — поднятие завесы над чудотворной иконой Божьей Матери) так поразил воображение наших паломников, что они, не обладая драгоценной реликвией, попытались воссоздать подобие этого действия на своей родине [9. С. 354].

Необычно и само название праздника. В тех пассажах службы, где упоминается простертая Богородицей киноварная пелена или снятый с Ее головы плат, славянский текст оставляет без перевода греч. *μαφόριον* ‘платок или

длинный плащ'. **Ποκρόβω**, как правило, употребляется в ряду синонимов: **ζαστῶπλένιε**, **στῆβνά**, **δερχάβα**, — именуя тем самым абстрактное понятие *защиты*, а не обозначая конкретный предмет. Есть ли греческий аналог этого слова?

Тематическая близость и текстуальное сходство служб Покрова и службы Положения ризы Богородицы во Влахернах (2 июля), широко известной древней греческой Церкви, позволили ряду ученых (впервые это было обнаружено Lathoud [12. С. 303]) предположить, что последняя, возможно, послужила образцом для составления чинопоследования первой. Сопоставляя их, мы увидим: **ποκρόβω** в большинстве случаев является переводом греч. σκέπη 'защита, прикрытие'. Той же метафорой воспользовался автор Акафиста Божьей Матери, обращаясь к чудотворной Влахернской иконе: σκέπη τοῦ κοσμοῦ, πλατυτέρα τῶν οὐρανῶν (в славянском тексте — **покрѡвъ мѣрѡ, шѣршии ѡблака**, икос 6). Необычность славянского перевода (мы говорим о грамматическом несоответствии род. ед. **ѡблака** gen. plur. τῶν οὐρανῶν, а также нетрадиционности лексической: греческое οὐρανός обычно передавалось словом **нѣбо**) отчасти может быть прояснена с помощью методики, предложенной М.А. Моминой. По замечанию исследователя, «силлаботонический размер византийской гимнографии позволяет восстанавливать с большой достоверностью греческие разночтения по славянским спискам...» [3. С. 134]. Вполне вероятно, что в одном из греческих списков Акафиста Богородица названа покровом, более широким, чем облако: πλατυτέρα τῶν νεφελῶν. При таком предположении будет сохранена семантическая точность церковно-славянского текста, так как νεφέλη является регулярным соответствием ст.-сл. **облакъ**, см. [14. С. 467]). Неясным здесь остается, однако, единственное число существительного **ѡблако**.

Предание связывает авторство Акафиста с именем прп. Романа Сладкопевца, который нередко изображается на иконах Покрова со стороны, противоположной той, что занимает блаженный Андрей со своим учеником Епифанием. По словам И.А. Шалиной, «двух визионеров — Андрея Юродивого и Романа Сладкопевца — объединяет не только близкие дни памяти (1 и 2 октября), но и факт «посещения» их Богородицею, а также место этого чуда — Влахернская капелла 'Αγία Σορός» [9. С. 355].

Этимологический анализ связывает σκέπη с рус. *чепец*, польск. *czepiek* 'колпак', лит. *kepùrė* 'шляпа', лтш. *zėpure* 'фуражка' и возводит его к и.-е. корню *(s)qer- со значением чего-то обволакивающего, накрывающего [11. С. 873]. Уже древнегреческому языку известны, помимо прямых значений оболочки, чехла, волосяного и плотяного покрывала, значения переносные — 'защита', 'укрытие' [13. С. 1606]. Безусловно, слова песнопений имеют именно этот смысл.

Семантическая «карта» этимологического гнезда славянской лексемы несколько шире. Родство с лит. *kráuti* 'накладывать, наваливать кучей, нагружать', на наш взгляд, позволяет объяснить, что общего между такими разными его значениями, как 'жилище', 'ткань' и 'случка скота' [10. С. 71—72]. Вероят-

но, создание навеса или любого иного заграждения считалось славянами достаточным препятствием для проникновения злых сил (ср. представления о небе как «крыше мира» [1. С. 104]); этим обусловлено развитие комплекса значений 'тайное, укромное место' > 'укрытие' (*покров ночи, от-кровение, сокровище*; сюда же можно отнести и *крышу* воровского жаргона). Значения 'ткань, покрывало', а также 'верхний слой чего-либо' стали возможны благодаря конкретизации первоначального указания на средство, предохраняющее от внешних воздействий. Достаточно вспомнить, к примеру, что «покровами» на Руси называли верхнюю часть убора икон; обычай брать сакральные предметы покровенными руками восходит к глубокой древности [7. С. 47—48].

В бытовой трактовке названия праздника, с одной стороны, мы имеем дело с типичным случаем «народной этимологии»: Покров *покрывает* землю «где листом, где снежком». Но значительно важнее здесь брачно-эротическая символика свадебного обряда, в котором фата (покрывало) невесты играет далеко не последнюю роль. В прямой связи находятся явления природы и переход из безбрачного в замужнее состояние: «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня, молодую, женишком!» [2. С. 247]. Свадебная шапочка становится у белорусов Понеманья метафорой брака: «Святая Пакрова, уже я сусим гатова: прыкрыла землю листочкам, прыкрой мне шапочкам» [5. С. 507].

Можно предположить, что на употреблении слова *покров* в значении 'защита' сказалась книжно-славянская традиция, противопоставленная фольклорным контекстам. Об этом свидетельствует и характер приводимых в словаре цитат [8. С. 1116]. Едва ли имело место влияние греческого оригинала — скорее, развитие семантики просто шло сходными путями. В самом же праздновании Покрова тесно переплелись традиции церковно-религиозная и народно-бытовая, объединенные идеей милосердного заступничества и помощи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 2005. — (Studia philologica. Series minor).
- [2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. т. III. П. — М.: Русский язык, 1980.
- [3] *Момина М.А.* Греческие разночтения в славянских гимнографических текстах // Византийский временник. — М.: Наука, 1983.
- [4] *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы московского царства. — СПб.: Акрополь, 1995.
- [5] Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. — т. 1. — М.: Международные отношения, 1995. — (Институт славяноведения и балканистики РАН).
- [6] Словарь современного русского литературного языка. т. 10: По-Поясочек. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- [7] *Стерлигова И.А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI—XIV веков: Происхождение, символика, художественный образ. Государственный институт искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [8] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 2: Л-П. — М.: Знак, 2003.

- [9] Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. — М.: Индрик, 2005.
- [10] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13 (*kroměžigь — *kyžiti) / Под ред. чл.-корр. АН СССР О.Н. Трубачёва. — М.: Наука, 1987.
- [11] Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. — Heidelberg-Paris, 1923.
- [12] Lathoud R.P.D. Le thème iconographique du «Pokrov» de la Vierge // L'art byzantin chez les slaves. L'ancienne Russie, les slaves catholiques. Deuxième recueil. Dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij. Deuxième partie. — Paris, Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1932.
- [13] Liddell H.G., Scott R.A. Greek-English Lexicon. Vol. II: λ — ὠδης. Oxford, At the Clarendon Press, 1937.
14. Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Emendatum auctum. — Vindobonae. Guilelmus Braumueller, 1862.

SEMANTIC OF WORD **POKROV**

I.E. Yussov

Russian Language Department of Medical Faculty
People's Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the analysis of development of semantic of Slavonic word **POKROV** 'cover, protection' and its Greek correspondence. Cultural and historical aspects are also under analysis.